

Оказывается, даже ледяной красавец способен сыграть жизнерадостного обаяшку.

В зале для прослушиваний вовсю кипела работа: главный режиссёр и директор по кастингу едва успевали переводить дух.

Жун Сюй толкнул дверь, небрежно кивнул обоим и, вышагивая длинными ногами, направился к стоявшему в углу свободному стулу.

По соседству устроился высокий длинноногий мужчина в наброшенном на плечи пальто. Статью он походил на супермодель, а его мягкие, классически красивые черты лица сейчас были сосредоточены на экране телефона. Оторвавшись на секунду от своего важного занятия, он бросил на вошедшего короткий взгляд и прищелкнул языком:

— Что, знакомого встретил?

— И близко нет, — Жун Сюй лениво развалился на стуле.

— Не знаком, а сам первый побежал подписываться на него в Вейбо? — Доу Чжо даже головы не поднял.

Жун Сюй промолчал, лишь на его губах заиграла опасная усмешка:

— Если твой язык не способен вещать ничего дельного, его всегда можно пришить к нёбу.

Доу Чжо, за долгие годы в индустрии ставший настоящей визитной карточкой медиа-компании «Синчэнь», сохранил на лице безупречную вежливую улыбку.

— Полно вам, Водяной император Жун. Полмесяца прошло, а вы всё успокоиться не можете. В конце концов, он ведь на вас взаимно подписался.

Быть пойманным с поличным Жун Сюя ничуть не смутило — прирождённый экстраверт вообще не знал, что такое неловкость. Небрежно откинувшись на спинку стула, он рассеянно бросил:

— Одно с другим никак не связано.

Доу Чжо, заметив выражение его лица, почуял неладное:

— Задумал очередную пакость?

Жун Сюй лишь многозначительно улыбнулся в ответ, не проронив ни слова.

Доу Чжо молча покачал головой.

Пока они обменивались колкостями, ассистент объявил следующего кандидата:

— Двадцать девятый!

Директор по кастингу перелистнул страницу личного дела.

«Лу Шицин».

Резюме выглядело девственно чистым. В самом низу, в графе «Опыт работы», значился лаконичный прочерк. Не прилагались даже элементарные портфолио-снимки.

— Режиссёр Ли, следующий претендент заявлялся на роль Цзян Кунняня, — обратился к коллеге директор по кастингу. — Но мы ведь только что утвердили актёра. Позволим парню показаться ради приличия или сразу отправим домой?

Режиссёр Ли недовольно нахмурился.

Сегодня его главной целью было найти исполнителя на роль Чжао Чэньсюня — самого харизматичного и популярного злодея из проекта «Замыслы Чанъаня». К сожалению, за всё утро ни один из кандидатов так и не смог превзойти его скромных ожиданий. Что касается роли Цзян Кунняня, то предыдущий кандидат действительно показал себя неплохо. Режиссёр Ли досадливо махнул рукой, намереваясь отпустить новичка без прослушивания.

Развалившийся на стуле Жун Сюй, до этого со скучающим видом наблюдавший за процессом, приподнял бровь:

— Как это «утвердили»? Место Цзян Кунняня уже занято?

— Да, — подтвердил Доу Чжо. — Буквально только что. Парень из агентства «Бачжуо», довольно способный и отлично попадает в типаж.

В киноиндустрии подобное случалось сплошь и рядом: если режиссёр находил идеальное попадание в образ, кастинг фактически закрывался. Оставшиеся претенденты оказывались в заведомо проигрышном положении — без гениальной игры им светила лишь роль массовки для отчёта.

Заметив, что ассистент направляется к двери, Жун Сюй окликнул его:

— Погодите. Роль Цзян Кунняня занята, но ведь остались и другие персонажи?

Директор по кастингу кашлянул и нерешительно взглянул на мрачного режиссёра Ли:

— На самом деле, свободным остаётся только Чжао Чэньсюнь.

— Вот оно как, — протянул Жун Сюй.

В первой половине сюжета Чжао Чэньсюнь представал в образе очаровательного, беззаботного любимчика судьбы. Он так ластился к главному герою Чжао Чжо, без умолку щебеча «братец то, братец сё», что у зрителей зубы сводило от этой приторной нежности.

Если представить Лу Шицина в этой роли...

Что ж, ледяной красавец в амплу милого очаровашки — зрелище, которое воображение отказывалось воспроизводить.

— Давайте всё-таки послушаем его, — Жун Сюй лениво подпёр подбородок рукой. — Лу Шицин чертовски талантлив. Он из тех редких актёров, кто пропускает роль через себя, буквально проживая жизнь персонажа. Подобные самородки на дороге не валяются.

До этого сидевший с опущенной головой режиссёр Ли резко вскинулся:

— Кто, говоришь?

— Лу Шицин.

Перед глазами режиссёра Ли за годы работы мелькали тысячи безупречных лиц, большинство из которых стирались из памяти в ту же секунду. Однако прошёл уже целый месяц, а он всё ещё отчётливо помнил того юношу, которого случайно заметил на банкете после церемонии вручения кинопремии.

Лу Шицин обладал настолько уникальной внешностью и магнетической аурой, что аналогов ему в индустрии просто не существовало. Режиссёр Ли и подумать не мог, что под номером двадцать девять скрывается именно он. Выхватив из рук ассистента лаконичное резюме, он скользнул взглядом по пустой странице и, проигнорировав отсутствие опыта, скомандовал:

— Пусть войдёт. Прослушаем его.

Помощник тут же поспешил к выходу.

Жун Сюй снова расслабленно откинулся на спинку стула и, повернув голову, натолкнулся на пристальный взгляд своего коллеги.

— Что ты так смотришь?

— На тебя любуюсь, — насмешливо протянул Доу Чжо. — Не знай я тебя столько лет, точно поверил бы слухам из интернета.

— Это каким же?

— Что наш великий киноимператор вконец потерял голову от красоты юного Лу Шицина. Мол, стоило тому разок коснуться твоей руки на сцене, как ты лишился покоя и теперь только о нём и думаешь.

На лице Жун Сюя отразилось искреннее недоумение. И кто только плодит эти глупости?

— Какая пошлость, — отрезал он. — Я исключительно отдаю должное его актёрскому дарованию.

В этот момент дверь отворилась, и в сопровождении ассистента в комнату медленно вошёл Лу Шицин.

При виде его лица режиссёр Ли невольно выпрямился в кресле. Даже выдавший виды Доу Чжо замер, замороженный этим появлением.

Камера и объективы безбожно крали его очарование: в жизни юноша выглядел стократ привлекательнее, чем на любых записях или снимках. От него веяло царственной прохладой, лёгкой отрешённостью от мирской суеты и неуловимым изяществом.

Однако за маской «неземного создания» скрывался несчастный социофоб: когда на него уставилось столько глаз, в голове у Лу Шицина ухнуло в пустоту, а ноги едва не начали заплетаться.

К счастью, перед началом Чжоу Фу подробно расписал ему весь план действий. Требовалось лишь молча кивнуть, когда назовут роль, показать себя, а в финале вежливо поклониться и со спокойной душой покинуть это чистилище.

Юноша замер, приготовившись кивнуть по сигналу.

— Лу Шицин, верно? — заговорил режиссёр Ли. — Внешность у тебя выдающаяся, спору нет. Вот только роль Цзян Кунняня, на которую ты подавал заявку, уже отдана другому актёру...

Шицин, собиравшийся сделать дежурный кивок, от удивления едва не растянул шею.

«Ч-что?..»

— Ты успел ознакомиться со всем сценарием «Замыслов Чанъаня»? — продолжил допрос режиссёр.

Сердце юноши пустилось вскачь. С трудом вернув самообладание, он растерянно кивнул.

— Там есть отрицательный персонаж — Чжао Чэньсюнь. Как бы ты охарактеризовал ядро его личности?

Лу Шицин мысленно взвыл.

Какие ещё вопросы? Разве они не должны были сразу перейти к сцене?!

«Мамочки, помогите!..»

Дыхание перехватило, губы приоткрылись, но от сковавшего тело страха он не сумел выдать ни звука.

В ушах нарастал тревожный гул, а мир вокруг начал медленно расплываться. Но в тот самый момент, когда паника едва не накрыла его с головой, раздался ленивый, спасительный голос Жун Сюя:

— Да ладно вам мучить парня теорией. Пусть лучше покажет себя в деле.

Сквозь пелену паники Лу Шицин расслышал знакомые интонации и поднял взгляд. Только сейчас до него дошло, что Жун Сюй сидит здесь же, в зале.

Встретить знакомое лицо в этой пугающей обстановке было сродни чуду. Сердце несчастного социофоба, готовое выскочить из груди, наконец вернулось на место. Он шумно выдохнул и уставился на Жун Сюя преданным, умоляющим взглядом, цепляясь за него как за единственный спасательный круг.

Режиссёр Ли на мгновение задумался.

— Что ж, логично.

Поскольку Жун Сюй выступал одним из ключевых инвесторов «Замыслов Чанъаня», его мнение при подборе актёров имело вес. Жун Сюй вальяжно закинул ногу на ногу и принялся не спеша шуршать страницами сценария, пока не остановился на нужном фрагменте.

— Давайте возьмём девятую сцену на семьдесят восьмой странице.

Доу Чжо наконец отвёл взгляд от Лу Шицина и заглянул в раскрытый сценарий Жун Сюя. Уголок его рта едва заметно дернулся.

По сюжету Чжао Чэньсюнь лишь маскировался под кроткого и послушного любимчика, на деле являясь одержимым безумцем, который хладнокровно плел интриги при дворе и без тени сомнения мог предать даже родную кровь.

Нарочно или нет, но Жун Сюй выбрал самый пиковый момент: Чжао Чэньсюнь ради выгоды наследного принца подставил своего старшего брата Чжао Чжо, едва не отправив того на плаху. И теперь Чжао Чжо, чудом выживший в пыточных застенках императорской тюрьмы, весь в крови возвращается грозовой ночью домой, чтобы потребовать ответа у вероломного младшего брата.

Сцена открывалась тяжёлым обвинением:

— Чем этот ничтожный принц заслужил твою верность?! Стоило ли ради него предавать семью?!

Доу Чжо был уверен, что Жун Сюй мстит. Этот несносный тип явно до сих пор помнил обиду из-за несчастной подписки в соцсетях.

Лу Шицин всё ещё с трудом верил в происходящее, но его врождённый актёрский инстинкт сработал безупречно. Он мгновенно пробежал глазами текст, запомнил реплики и отложил листы в сторону.

— Тебе нужен партнёр для сцены? — поинтересовался режиссёр Ли.

Подобные эмоционально заряженные диалоги требовали живой отдачи, иначе раскрыть весь потенциал роли было невозможно.

Юноша бросил робкий взгляд на Жун Сюя. Тот уже перестал качать ногой и смотрел на него с трудночитаемой полуулыбкой.

Шицин засомневался. Раз уж Чжоу Фу упомянул, что Жун Сюй на него из-за чего-то дует, навязываться с просьбой подыграть было бы верхом глупости — это лишь усугубит его неприязнь. С другой стороны, Доу Чжо работал в том же агентстве «Синчэнь» и, по слухам, неплохо ладил с господином Се Синланем.

— Пожалуй... господин Доу, если можно.

Улыбка Жун Сюя мгновенно увяла.

Доу Чжо удивлённо вскинул брови.

— Что ж, хороший выбор. Доу Чжо, помоги коллеге, — одобрил режиссёр Ли.

Доу Чжо покосился на Жун Сюя и, сдерживая рвущийся наружу смех, поднялся с места:

— С удовольствием.

Жун Сюй мрачно схватил бутылку с водой и в несколько жадных глотков осушил её до дна.

Чжао Чэньсюнь по сюжету был лишён возможности ходить и передвигался исключительно в инвалидном кресле (в сценарии даже присутствовало немало сцен, где другие персонажи носили его на руках). Чтобы приблизить условия к реальности, ассистент принёс для Лу Шицина обычный стул.

Пытаясь унять дрожь, юноша сел.

По сигналу режиссёра Доу Чжо раскрыл сценарий и послушно, но довольно монотонно зачитал реплику:

— Чем этот ничтожный принц заслужил твою верность?! Стоило ли ради него предавать семью?!

Сидя на стуле, Лу Шицин медленно поднял взгляд на своего оппонента, пытаясь вжиться в образ.

Режиссёр Ли недовольно нахмурился.

Что-то шло не так.

То ли виной тому была спонтанная смена роли, то ли Лу Шицин изначально не подходил на этого персонажа, но одного взгляда хватило, чтобы режиссёр понял: попадания в образ нет.

Личность Чжао Чэньсюня отличалась пугающей глубиной. С детства боготворивший старшего брата, он сломался после того, как его бросили. Его привязанность превратилась в извращённую, тёмную одержимость. Он ненавидел и любил Чжао Чжо одновременно: раз за разом устраивая для него смертельные ловушки, он втайне всегда оставлял брату крошечный шанс на спасение.

В глазах же Лу Шицина сейчас читались лишь ледяное отчуждение и глухая обида. В них не было и намёка на ту самую болезненную любовь.

Конечно, требовать от актёра за считанные минуты постичь суть персонажа, которого он даже не успел толком разобрать, было жестоко. И всё же его игра даже в таком сыром виде превосходила потуги предыдущих кандидатов.

Режиссёр Ли перевёл взгляд на Доу Чжо, который продолжал бубнить текст без всякого выражения. «Неудивительно, что парень не может настроиться с таким-то партнёром», — раздражённо подумал он и прервал сцену:

— Доу Чжо, отойди в сторонку. Любая дворняжка зачитала бы эту реплику с большим чувством.

Доу Чжо послушно закрыл сценарий и состроил максимально невинную мину.

Режиссёр Ли, выдав порцию критики, тут же обернулся к Жун Сюю:

— Ну-ка, Жун Сюй, бери текст и читай ты.

Пёс Жун только этого и ждал. Нисколько не обидевшись на грубость режиссёра, он расплылся в довольной улыбке и вальяжной походкой направился к Лу Шицину. Всем своим видом он демонстрировал непреклонную решимость: сейчас он раз и навсегда смоем позор от тысяч издевательских комментариев своих фанатов.

— Начали, — без особой надежды скомандовал режиссёр Ли.

С таким несерьёзным напарником, как Жун Сюй, погрузиться в драматическую атмосферу казалось задачей невыполнимой.

Жун Сюй с мягкой улыбкой посмотрел сверху вниз на замершего Лу Шицина. Но стоило прозвучать команде «Мотор», как весёлость мгновенно сошла с его лица. Черты его не претерпели явных изменений, однако весь его облик неуловимо переменился, а взгляд сделался колючим и ледяным:

— Чем этот ничтожный принц заслужил твою верность?! Стоило ли ради него предавать семью?!

В отличие от пресного бубнежа Доу Чжо, эта единственная фраза мгновенно перенесла всех присутствующих в ту зловещую, пропитанную дождём ночь предательства.

Лу Шицин сидел неподвижно, уставившись в пол пустым, невидящим взглядом. Прошло

несколько долгих секунд, прежде чем он медленно поднял голову.

Режиссёр Ли, уже мысленно поставивший на сцене крест, так и застыл с полуоткрытым ртом.

Взгляд Лу Шицина... изменился. Образ наконец обрёл целостность.

Пусть теплота и привязанность в его глазах казались фальшивыми — именно этого и требовала роль! Ведь любовь Чжао Чэньсюня к старшему брату с самого начала была не более чем искусно выверенной маской.

Едва столкнувшись с этим взглядом, Жун Сюй понял: роль Чжао Чэньсюня буквально создана для этого юноши.

Он приготовился доиграть сцену до конца, как вдруг лицо Лу Шицина, доселе хранившее ледяную безучастность ко всему земному, медленно озарилось улыбкой.

Сам Лу Шицин никогда бы так не улыбнулся.

То была приторная, пугающе фальшивая улыбка Чжао Чэньсюня. Юноша запрокинул голову, подставляя под удар тонкую, хрупкую шею, и резким, яростным движением вцепился в отвороты пальто Жун Сюя. Он потянул его на себя, словно вознамерившись увлечь эту сияющую фигуру за собой — на самое дно бездны.

Прищулив сияющие глаза, Лу Шицин заговорил. Его обычно холодный, чистый голос наполнился мягкими, вкрадчивыми нотками капризного ребёнка:

— Что такое? Братец... неужели ты ревнуешь?

Зрачки Жун Сюя сузились.

<http://bllate.org/book/18347/1764299>